

Бросив величественное тело в гамак, маэстро отдыхает. Он похож на южноамериканского босса в минуты сна. Гамак поддерживают два дерева, они как бы образуют рамку, в которую врезана эта массивная фигура. Мы приехали на его виллу в Пезаро, возведенную на вершине холма. Чуть дальше холм начинает незаметно понижаться, видны море, пляж, даже сейчас утыканный разноцветными зонтиками.

С первой же фразы становится ясно, что Лучано Паваротти смотрит на жизнь оптимистически, и, перехватив наш взгляд, говорит: «Конечно, все эти зонтики не такое уж украшение, но совсем недавно здесь вообще были болота. Что вы хотите: папская земля, кругом запреты — тишина и запреты».

Подходят два молодых певца, он обещал их послушать и дать свои рекомендации. «Большой» Лучано говорит с ними, что-то советует. Он строг, но, с другой стороны, и осторожен — боится разочаровать. «У молодых головы полны звуков, поэтому частенько они сами себя убеждают в том, что обладают чем-то гораздо большим, чем природа дала им на самом деле», — говорит он нам. И снова обращается к пришедшим: «Тебе лучше петь Доницетти. А на конкурс готовь из «Богемы». Другому: «Нет, Моцарту ничего не надо добавлять. Он очень строго выстроен. Все, что надо, в партии уже есть, будь внимателен, ничего лишнего не добавляй».

Паваротти только что вернулся из Лондона, где выступал в Гайд-Парке. Стоя под проливным дождем, сто пятьдесят тысяч человек слушали певца и восторженно кричали: «Браво!». А поскольку концерт транслировался по телевидению, то еще полмиллиарда человек слушали его и одновременно следили за причудливыми фигурами, которые выписывал в воздухе его белый носовой платок. [Во время концертов Паваротти часто сжимает его в кулаке, потому что «не знает, куда деть руки»]. Сразу же после этого события на него набросились некоторые критики, заявив, что, если оперный певец поет на открытом воздухе оперные арии и особенно неаполитанские песни, он оскорбляет тем самым все оперное искусство. И в таком случае он уже не оперный артист, а некое «горлодерущее производное» масс-медиа.

Вот что говорит обо всем этом сам певец, ответивший на наши вопросы.

— Многие считают, что вы оперный певец номер один...

— Номер один? Вот уж не знаю. Я предпочел бы сказать, что я среди первых. Это важно, поскольку всем ясно: тот, кто не уверен, что он среди первых, всегда будет чувствовать себя не в своей тарелке.

— А как, по-вашему, тот, кто вас атакует, он номер один в критике?

— 95 процентов критиков, действительно разбирающихся в певческом искусстве, сотрудничают с певцами. Поэтому критик, который помогает певцу достичь известности, всегда его защищает. Если он не будет так делать, певец может провалиться.

— Можно сказать, что с тех пор, как на вас стали обращать внимание, сменилось уже два

поколения критиков. Вы отметили какие-то различия?

— Я не хотел бы обобщать. Я знал очень профессиональных критиков из старшего поколения. Многие из тех, кто пришел им на смену, считают, что если они будут дерзить своим учителям, все подумают, будто у них есть собственное мнение. Один из великих сказал: кто может, создает музыку, кому это не удается, тот учит других, кто и на это не способен, занимается организационной работой, а кто уж совсем ничего не может, тот критикует.

— Вас критиковали также за то, что вы исполняете песни. Считают это некоей профанацией оперного искусства.

— Проблема, которую вы затронули, касается распространения бельканто. Считаю, что его надо как можно больше приближать к широкой публике. Это важное дело, и браться за него надо уметь. А тот, кто при этом морщит нос, похож на лисицу из известной басни «Лиса и виноград». Те, кто презрительно считает, что массы все равно не поймут разницы между мотивами Моцарта и неаполитанской песней, глубоко ошибаются. И в прошлом самые известные

музыканты занимались популяризацией серьезной музыки. Например, Тосканини, который любил выступать перед большой аудиторией вне стен театра. А те, кто его критиковал, вопили, что на открытом воздухе можно только играть в кости.

— В общем, вы считаете, что, если научите человека интересоваться серьезной музыкой, это будет неким социальным завоеванием...

— Конечно. И потом, я пою самые прекрасные песни. Боже мой, какие замечательные мелодии мне попадают! А тексты! Для многих итальянских песен тексты писали всемирно известные авторы — например, Д'Аннунцио. Я знаю теноров, которые очень страдали от того, что всю жизнь были лишены возможности исполнять неаполитанские песни.

— Какое значение имеет для певца успех?

— Я не мог бы дать этому точного определения. Как певец я рос медленно, и не принадлежу к тем «звездам», которые восходят на песенном

небосклоне в одну ночь, как это случается в Америке. Успех — понятие очень интимное. Другое дело известность — это уже взаимоотношение исполнителя с публикой. Ты становишься известным, знаменитым, когда тебя начинают останавливать на улице. Кривят душой те, кто говорит, что это неприятно. Со мной чаще всего заговаривают молодые. Несколько дней назад меня остановила перед мясной лавкой девочка лет двенадцати и сказала: «У меня тоже есть голос, послушай!» — и запела.

— Итак, приходит момент, когда человек начинает осознавать, что он достиг чего-то в жизни...

— Я вырос в большом доме, где обитало много семей. Был еще ребенком, когда соседи стали звать меня к себе, просили спеть. Значит, уже тогда у меня была известность — естественно, в пределах нашего большого дома.

А что касается успеха, могу сказать одно: каждый должен почувствовать его сам, своим интуитом. Ко мне это ощущение

пришло в 38 лет, когда я стал давать концерты и вдруг очутился один на один с огромным залом, где сидело несколько тысяч человек. Вот в такие моменты певец понимает, есть у него своя публика или нет. Я часто пел с Джован Сазерленд, и, честно говоря, именно она была главным действующим лицом этих концертов — так мне по крайней мере казалось. Я всегда думал, что публика приходила только для того, чтобы послушать именно ее.

— Вам очень хотелось добиться успеха?

— Я убежден в одном: не надо ломать голову над тем, как добиться успеха. Многие себя убеждают: встану завтра утром и совершу нечто особенное значительное. А на следующий день снова говорят: нет, это случится завтра. На самом деле надо стараться создавать настоящую музыку и делать это как можно лучше. Все остальное придет.

— И деньги тоже!

— Я часто говорю, что родился богатым. Это богатство

было внутри меня, а деньги пришли потом. Помню, однажды вечером мы беседовали с Караяном — мы тогда репетировали «Богему» — и говорили обо всем: какие у кого заботы, кто сколько занят... Он послушал нас и сказал: «Ребята, не заботьтесь о деньгах, думайте о том, как лучше петь... А деньги к вам придут, они будут логическим следствием вашего труда...»

— Успех, популярность имеют обратную сторону?

— Да. Самое главное — редко бываешь дома. Но это с лихвой компенсируется тем, что я общаюсь с моей публикой. То есть с теми людьми, которые окружали меня еще в детстве.

— Что вы думаете о провалах, которые могут случаться у каждого певца? Вам жалко тех, кто терпит неудачу, или, по вашему мнению, они того заслуживают?

— Если у певца есть голос, но ему не удается сделать карьеру, значит, он не отличается прилежностью, мало занимался, мало работал над со-

бой. А из этого следует, что у него нет тех качеств характера, которые необходимы, чтобы преуспеть в жизни. В моей среде полно людей, которые говорят: «Меня не понимают! Ко мне плохо относятся!» Я им не верю. Еще со школьной скамьи я больше верил в Гектора, а не в Ахилла, этого античного плейбоя. Однако, возвращаясь в мир оперы, могу сказать: в нашем мире хороший певец — это редкость, а если к его способностям еще приплюсовываются и другие необходимые качества, то он будет нарасхват.

— Однако у вас тоже были неудачи. Как вы их перенесли?

— Во всяком случае никогда не говорил, будто не понимаю, что это такое случилось с публикой. Однажды в Милане меня осмистали. Они были правы, я пел хуже, чем мог.

— Поговаривают, что вы стали «продуктом» американских масс-медиа. Это правда?

— Вот уж нет! Я стал известным певцом тогда, когда пел только в Италии. Уже потом выступал в Америке, и с успехом, в частности благодаря телевидению. Удивляться здесь нечему: сегодня Нью-Йорк — столица мировой культуры. Мне постоянно поступают самые различные предложения от телевидения. Но я инстинктивно отвергаю все, что может повредить музыке.

— Вам аплодировала публика всех стран. Однако факт остается фактом: в начале вашей карьеры Модена, ваш родной город, вам мешал...

— Да, не все мне верили, мне не давали выступать перед публикой, когда я этого хотел. Я не пытаюсь допытываться, почему так произошло.

— Говорят, что вы собираетесь выступить в Токио и что с вами будут петь Хосе Каррерас и Пласидо Доминго. Когда это произойдет?

— В 1993 или 1994 годах. Мы будем петь три вечера на обычной сцене. Будут исполнены три акта из трех разных опер — «Отелло», «Любовный напиток» и «Тоска». Каждый вечер мы будем «обмениваться» партиями.

— До какого года у вас все «расписано»?

— До 95-го. Мне это нравится, потому что вообще-то я очень неорганизованный человек.

— Поговаривают, что ваша карьера близится к закату. Вы сами это чувствуете?

— В октябре мне исполнилось 56. В этом возрасте певец уже

приближается к концу своей карьеры. Однако я думаю, что могу еще надеяться на десять лет активной работы. Моему отцу 79, а он поет, как бог. Что со мной будет потом? Знаю одно: я никогда не смогу сидеть на одном месте. Мне всегда будет доставлять удовольствие популяризовать музыку. Потом, я очень легко схожусь с молодежью. Может быть, потому, что работал учителем в начальной школе.

— Вы устраиваете конкурсы, прослушивания, в общем, стараетесь открыть новые таланты. А правда ли то, что у Паваротти и Доминго нет наследников?

— Правда, что с тенорами всегда сложно. Но вообще-то хорошие певцы есть. Однако сегодня все устроено так, что молодой человек с хорошими вокальными данными не чувствует никакой необходимости в учебе. Вот этому юному певцу, которого я только что слушал, уже готовы платить по восемьдесят миллионов лир за одно выступление.

— То есть период учебы резко сокращается...

— Да нет, учебу вообще отменили. Вот в чем беда. Сегодня стало очень просто «делать деньги». А вот что касается подготовки — и профессиональной, и общей — это совсем другой разговор.

— А хорошие педагоги сегодня есть?

— Педагоги не бывают плохими, важно найти именно того, кто тебе нужен.

— До какой степени политика оказывает влияние на мир музыки?

— Во время войны, еще будучи ребенком, увидел, как один брат убил другого из-за политики. С того самого дня политикой не интересуюсь.

— А существует ли какая-нибудь связь между политической и итальянскими театрами?

— Могу сказать про Америку. Например, «Метрополитен-опера» автономна с точки зрения финансов, и потому она может не бояться, что мэр или какой-нибудь сенатор порекомендует взять в труппу бесталанного певца.

— Есть люди, которые говорят, что вы имеете очень прилизанные знания в области музыки. Что бы вы им ответили?

— А ничего. Подобные вещи вызывают у меня хохот.

Публикацию по итальянскому еженедельнику «Панорама» подготовила

Л. ФИЛАТОВА.

Лучано Паваротти:

«Кто ничего не может, тот критикует»

Паваротти Л.

140